

До 1905 года партия представляла собою, в смысле организационном, сеть рабочих пропагандистских кружков. В 1905 году кружки рассыпались: не было возможности вести пропаганду в замкнутой группе в 8-10 рабочих, когда пропагандистские темы обсуждались открыто перед многотысячной толпой. Так распалась в дни «свобод» подпольная партийная организация.

В дни подъема сила идейного влияния с.-д. партии на рабочих заслоняла от глаз ее организационную слабость. Теперь же, в период упадка, когда ряды партии поредели, восстановление партийной организации становилось вопросом о том, быть или не быть социал-демократии в России. Но восстановить организацию на основе старых пропагандистских кружков было невозможно: время пропагандистской партии миновало, рабочие не хотели возвращаться в кружки, слушать пропагандиста. Но ничего не выходило из попыток заменить подпольные кружки открыто действующими партийными клубами: эти клубы закрывались полицией, и всякая попытка их легализации «явочным порядком» приводила лишь к новым арестам.

Итак — снова подполье. Значит, опять кружки. Но перед партией вставал вопрос: чем занять эти кружки, которые определено не хотят собираться для пропагандистских, теоретических разговоров? Решалась эта задача привлечением ячеек периферии к разработке тактических проблем, стоящих перед партией. Но по всем вопросам этого рода в партии существовало два взгляда — большевистский и меньшевистский. Каждый отдельный рабочий и каждый кружок должен был ознакомиться с обеими точками зрения. Отсюда — необходимость «дискуссии» между большевиками и меньшевиками на всех собраниях партийных ячеек. Лекция пропагандиста заменялась в порядке дня рабочего кружка спором между двумя пропагандистами! Решение задачи получалось парадоксальное. Меньшевики пытались уйти от него путем разделения сфер влияния — по районам, подрайонам и отдельным

заводам. Но большевики упорно настаивали на дискуссиях, надеясь этим путем утвердить свое безраздельное господство в организации.

Петербургский Комитет состоял в то время из равного числа большевиков и меньшевиков. Голоса делились пополам; если одна фракция высказывалась за определенное положение, другая спешила высказаться против. Спасением было лишь то, что иногда тот или иной член Комитета не являлся на заседание; тогда у одной из фракций оказывался перевес, и стоявшие в порядке дня вопросы получали определенное решение.

Понятно, что при таких условиях Комитет был неспособен руководить партийной работой. Коррективом являлась городская конференция, составленная из представителей районов. Но эта конференция была слишком громоздка, и созывать ее было нелегко. Впервые она собралась, если память не обманывает меня, в начале марта. Позже собрания ее происходили не чаще, чем раз в месяц, а иногда и реже.

Таково, в самых общих чертах, было состояние петербургской социал-демократической организации, когда перед ней встал вопрос об отношении к выборам в Государственную Думу.

* * *

В конце января вопрос о Государственной Думе еще представлялся отвлеченным, академическим — почти в такой же мере, как вопрос о будущем «Временном Правительстве»: неизвестно было, когда соберется Дума, да и вообще соберется ли она. Но 12 февраля появился манифест, назначавший на 27 апреля созыв народных представителей. Теперь нужно было без всякого промедления решить вопрос о выборах.

Впрочем, у большевиков было уже готовое решение этого вопроса.